

Человек, накрытый белой тканью, был не кто иной, как младший судья Далисы Би Тао!

Ноги Му Яна задрожали, но не от страха, а от лютой ненависти.

Еще в начале месяца Би Тао внезапно исчез. Будучи одним из столпов Партии Дунлинь, он долгое время считался пропавшим без вести, и соратники боялись, что его постигла участь Гэн Жуя. Кто бы мог подумать, что его схватили люди из Цзиньивэй и подвергли таким чудовищным пыткам!

Слезы градом покатились по лицу Му Яна. Он и Би Тао вместе грызли гранит науки в Академии Дунлинь, были закадычными друзьями, разделяли одни и те же интересы и даже сдали экзамены в один год. Вид умирающего друга лишил Му Яна рассудка. Он бросился в центр тронного зала.

— Бум!

Колени с глухим стуком ударились о плиты. Му Ян сорвался на крик:

— Ваше Величество! Би Тао полжизни преданно служил покойному императору, а теперь все силы отдавал служению Вам! Ваше Величество, как же у Вас рука поднялась!

Сказав это, он принялся бить поклоны.

— Бах.

— Бах.

Раз за разом.

Свежая кровь, сочившаяся из разбитого лба Му Яна, неприятно резанула по глазам Императрицы.

Линь Юйцзэ, стоявшая в стороне, сохраняла невозмутимый вид, но в глубине души шевельнулось нечто похожее на печаль. И Му Ян, и Би Тао были старыми сподвижниками ее отца, однако теперь они стали самыми яркими ее противниками.

Если бы не старая привязанность, она бы не оставила им шанса на выживание, и Би Тао давно бы сгнил в застенках Чжаоюй.

Императрица словно очнулась от окрика Ваше Величество. Когда же их отношения с чиновниками зашли в такой тупик? Всего за полгода столько знакомых лиц исчезло из зала аудиенций.

Многие из них когда-то были ее наставниками, искренне помогали ей, но стоило им слишком сильно увлечься набиванием карманов за счет пустой казны, как это стало вызывать лишь раздражение.

Те, кого она раньше считала пустомелями, мешающими государственным делам, по крайней мере, поддерживали ее начинания, когда она предлагала что-то полезное для народа.

А теперь? Государственные интересы отброшены, кругом лишь грызня не на жизнь, а на смерть.

Императрица вздохнула:

— Пусть семья заберет Би Тао домой. Что касается дела Му Яна — отложить до дальнейшего разбирательства.

Партия Дунлинь выдохнула с облегчением, но фракции Ци, Чу и Чжэ пришли в ярость. Сколько сил они вложили в эту Цзинча, чтобы убрать ключевую фигуру противника! Одно лишь небрежное слово императрицы перечеркнуло все их труды.

— Ваше Величество?

Линь Юйцзэ обернулась, недоверчиво глядя на трон. Сколько бессонных ночей она потратила на планирование, чтобы сегодня одним махом свалить такого ветерана, как Му Ян?

Отложить разбирательство? Этого она допустить не могла!

Линь Юйцзэ выступила вперед:

— Ваше Величество, Му Ян, Би Тао и их сообщники злоупотребляли властью, грабили народ в Цзяннани и скупали земли. Местные жители стонут под их гнетом. В сговоре с местными кланами они торговали с морскими пиратами в ущерб государству. Доказательства неоспоримы! Ваше Величество, нельзя из-за минутной слабости позволять им и дальше творить беззаконие!

Чиновники из Партии Дунлинь почуяли шанс: императрица проявила мягкость.

Неизвестно, кто подал знак, но все они вышли вперед и опустились на колени.

— Ваше Величество! Я виноват в том, что плохо следил за своей семьей, допустив связь с преступниками. Я вернусь и строго накажу их, подобное больше не повторится. Если же этого недостаточно, чтобы утолить Ваш гнев — если государь велит слуге умереть, слуга не посмеет ослушаться!

— Ваше Величество, мы того же мнения!

Толпа высокопоставленных вельмож стояла на коленях, всхлипывая. В центре зала осталась одна лишь Линь Юйцзэ.

Представители фракций Ци, Чу и Чжэ, не успев сориентироваться, застыли в оцепенении.

Плач стоял несмолкаемый, все ждали последнего слова Императрицы.

Прошло немало времени, прежде чем раздался ее усталый голос. Рыдания в зале мгновенно стихли.

— Встаньте, господа. Впредь призываю вас честно исполнять свой долг на благо страны.

— Благодарим, Ваше Величество!

— Ваша милость безгранична, мы готовы отдать жизни за Вас!

В шумном зале Линь Юйцзэ пристально смотрела на Императрицу, но та отвела взгляд.

Линь Юйцзэ была разочарована.

Пусть у нее самой были свои планы, но сейчас их интересы с Цзян Ли совпадали: укрепление императорской власти и подавление влияния Партии Дунлинь. Мягкосердечие Императрицы обесценило все ее усилия и поставило ее в крайне неловкое положение.

Взмахнув рукавами, Линь Юйцзэ покинула зал.

Внутри никто не посмел упрекнуть ее в нарушении придворного этикета, но чиновники Партии Дунлинь ликовали: в этой битве они одержали верх.

Вернувшись в поместье, Линь Юйцзэ рассеянно смотрела на искусственные горы в саду, погруженная в мысли об утреннем собрании. Партийная борьба — дело обычное, победы сменяются поражениями. Но по-настоящему ее беспокоило отношение Императрицы.

Когда именно решимость государыни искоренить Партию Дунлинь начала таять?

От полной поддержки вначале до нынешних колебаний — это был дурной знак. Без явной опоры на трон ее собственных сил не хватит, чтобы противостоять нападкам Партии Дунлинь.

— Госпожа, вот недавние доносы на Вас, — доложил евнух.

— Сжечь, — бросила Линь Юйцзэ, пребывая в дурном настроении.

— Госпожа, этот донос написан не людьми из Партии Дунлинь.

Линь Юйцзэ нахмурилась и взяла бумагу. Ее написал У Шоукунь, недавно назначенный в кабинет министров.

При дворе были не только две враждующие партии; существовала прослойка чиновников, которые не примыкали ни к кому, кроме императрицы. Особенно это касалось новых выпускников. Линь Юйцзэ вычистила всех новичков Партии Дунлинь, и оставшиеся либо примкнули к ней, либо предпочли отсидеться в тени.

У Шоукуня она терпеть не могла. На собраниях он всегда смотрел на Императрицу с фанатичным обожанием, и Линь Юйцзэ с радостью вышвырнула бы его вон. Только уверенность, что его чувства — лишь политическая вера, удерживала ее от расправы.

У Шоукунь был учеником второго помощника главы кабинета Ху Шимина, которого Линь Юйцзэ тоже не жаловала. Тот постоянно пытался давать советы Императрице, но Линь Юйцзэ через своих евнухов блокировала все его попытки добиться аудиенции.

Как член кабинета, он посмел донести на нее, первого министра? Откуда у него такая

дерзость?!

Пробежав глазами текст, она увидела обвинения в создании клики и очернении честных чиновников, в жажде власти и пренебрежении нуждами народа. Он также требовал обуздать Цзиньивэй, чья жестокость перешла все границы.

Линь Юйцзэ заподозрила, что Ху Шимин и У Шоукунь переметнулись к Партии Дунлинь. Она не допустит врагов в кабинете министров.

— Найди среди последних доносов все, что написаны не нашими людьми, и посмотри, есть ли там жалобы на Партию Дунлинь.

— Слушаюсь!

Когда евнух вернулся с целой стопкой доносов от того же У Шоукуня, Линь Юйцзэ лишилась дара речи. У этого человека что, мозги из стальных прутьев? Он критикует всех подряд!

В этих бумагах он обвинял Партию Дунлинь в незаконном сборе налогов в Цзяннани и использовании влияния своей Академии для критики двора и пренебрежения волей государыни.

Неужели он — чистый лоялист?

Линь Юйцзэ почувствовала угрозу. Всплеск этой третьей силы — случайность или замысел Императрицы?

В кабинете для чтения У Шоукунь стоял на коленях, почтительно склонив голову.

— Я читала твой прошлый доклад, — произнесла Императрица. — Глубокие мысли, и не просто пустая теория. Хорошая работа.

У Шоукунь был прямолинеен и, кроме умения писать яростные тексты, ничем не выделялся. Он не умел угождать людям и нажил немало врагов в Академии Ханьлинь. Если бы не покровительство наставника, его бы давно раздавили.

Но ему повезло: во время визита в Академию Императрица увидела его статьи с критикой нравов. Другой правитель, дорожающий своим лицом, немедленно бы его сослал.

Но она понимала, что Великая Ся больна, и ей нужны такие смелые советники.

— Что, по-твоему, сейчас важнее всего в реформах? — спросила она.

— Полагаю, остановить межпартийную борьбу, навести порядок в чиновничьем аппарате и открыть путь для честных высказываний, — ответил У Шоукунь, не поднимая головы. — Сейчас партии ради победы пренебрегают судьбой народа и стабильностью государства.

— А дальше?

— Затем искоренить застарелые пороки, пересмотреть земельную и налоговую системы — только так можно осчастливить людей.

— Как остановить борьбу партий?

— Убить курицу, чтобы напугать обезьяну, — сурово произнес У Шоукунь. — Сурово наказать лидеров обеих партий, а затем помиловать их сторонников. Гнев и милость — прерогатива государя. Это одновременно устроит чиновников и заставит их оценить Вашу доброту.

Императрица задумчиво поглаживала резную ручку трона, храня молчание.

У Шоукунь, видя, что она не отвечает, набрался смелости:

— Первый министр Линь Юйцзэ захватила власть, пренебрегает законом и губит людей. Цзиньивэй стали изгоями в народе. Пусть Партия Дунлинь и враждует с госпожой Линь, но они хотя бы сохраняют достоинство ученых мужей. Прошу Вас, назначьте на пост первого министра человека с безупречной моралью, чтобы вернуть чистоту во дворец!

Императрица потеряла виски:

— Ты говорил достаточно. Ступай, мне нужно подумать.

— Ваше Величество! — не унимался У Шоукунь.

— Сюй Дэчжун, я устала. Проводи его.

— Слушаюсь.

У Шоукунь был разочарован отсутствием похвалы и ушел, нехотя поклонившись.

Через десять дней после собрания Линь Юйцзэ, сославшись на болезнь, проигнорировала два вызова во дворец. На третий раз пришел императорский указ. Игнорировать его было нельзя. Хоть она и злилась, но хотела прояснить позицию Императрицы.

В павильоне Вэньдэ Императрица отдыхала после утреннего доклада. Услышав шаги, она открыла глаза:

— Наконец-то соизволила явиться?

Этот тон снова разжег в Линь Юйцзэ пожар.

— Несколько дней назад я простудилась и боялась заразить Вас, Ваше Величество. Теперь мне лучше, и я не смею ослушаться зова.

Императрица промолчала, не желая ссориться, и смягчила тон:

— А-Цзэ, ты винишь меня?

— Не смею.

На словах она не смела, но стояла выпрямившись, всем видом показывая обратное.

— Я знаю, сколько сил ты потратила на борьбу с кликами. Но полгода борьбы довели страну до внешних и внутренних бед.

— Чтобы вырезать гниль, нужно перетерпеть боль, — отрезала Линь Юйцзэ. — Когда я уничтожу Партию Дунлинь, Вы сможете полностью сосредоточиться на народе и порядке.

— Партия Дунлинь десятилетиями трудилась на благо Великой Ся, — возразила Императрица.
— Если я уволю их всех, это пошатнет сердца ученых по всей Поднебесной.

Линь Юйцзэ вскинула брови:

— Трудились? Или наслаждались богатством? За сотни лет в Великой Ся так называемые помещики-интеллектуалы лишь владели землей, на которой пахали арендаторы. Те, кто рассуждает в академиях о высоком, вряд ли когда-то держали в руках мотыгу! По-настоящему трудятся не они, а те, у кого не осталось собственной земли!

— Я понимаю, но сейчас Дун-чан и Цзиньвэй достаточно сильны, а Партия Дунлинь ослабла. Думаю, этого достаточно.

— Ты проявила мягкость? — прямо спросила Линь Юйцзэ.

— Я просто не хочу, чтобы при дворе проливалась кровь.

Она не могла забыть, как Му Ян бился головой о пол, пока его лоб не окрасился в красный цвет, и как он продолжал смотреть на нее с мольбой. Она не была слабой, она была готова к крови с момента восшествия на трон. Но она не хотела, чтобы ее правление превратилось в тьму. Это противоречило ее истинным стремлениям.

— Если сейчас не довести дело до конца, они окрепнут и нанесут ответный удар!

Императрица улыбнулась, подошла и взяла Линь Юйцзэ за руки:

— А-Цзэ, я знаю, ты боишься их мести. Не бойся, пока я рядом, ты будешь в безопасности.

В безопасности? Ха! Жизнь-то она сохранит, но ее влияние будет съедено по крупицам. Это было больнее смерти.

Линь Юйцзэ замолчала, глядя прямо в глаза Императрице. Та занервничала и отпустила ее руки.

Линь Юйцзэ в ответ сама схватила ее за ладони:

— Если я скажу, что хочу полного уничтожения Партии Дунлинь, Цзян Ли, ты поможешь мне?

Ее глаза были темны, как омут, готовый поглотить душу. На лице Императрицы отразилась тяжелая мука, сменившаяся пустотой.

Они стояли, держась за руки, но между ними словно пролегла пропасть.

Наконец Императрица произнесла:

— А-Цзэ, чего ты хочешь на самом деле?

Линь Юйцзэ сжала зубы, ее мысли были слишком тяжелы, чтобы их озвучить. Спустя долгое время она выдавила:

— Я хочу, чтобы Партии Дунлинь не стало.

В глазах Императрицы на мгновение мелькнуло разочарование — настолько быстрое, что Линь Юйцзэ усомнилась, не показалось ли ей.

— Вот как...

Императрица сделала шаг вперед, прижалась к Линь Юйцзэ, обняла ее за талию, коснулась щекой ее лица и прошептала:

— Все, что ты хочешь, я тебе дам.

Только... не предай меня.

<http://bllate.org/book/19929/1961117>